

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rin@petsu.ru

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПЕТРА I В КОНТЕКСТЕ ВИТАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

Рассматривается такой феномен личности Петра I, как религиозность. Актуальность и новизна исследования состоит в операционализации подхода – применении методики копинга. Анализируются особенности религиозности Петра I на примере витальной ситуации шторма на Белом море 1694 года. Через воздействие стрессора выявляются факторы религиозного копинга как способа адаптивности личности к витальным условиям. Документальный корпус работы представлен опубликованными источниками. В ходе исследования выявляют копинг-механизмы, транслируемые Петром I в стрессовый и постстрессовый периоды: копинг-ресурсы, копинг-стратегии и копинг-поведение. Автор делает вывод, что витальная ситуация демонстрирует не формальный, а достаточно глубокий уровень религиозности молодого монарха. Но в структуре его религиозности доминировал поведенческий компонент. Выражением этого стали действия Петра I во время шторма и при спасении на территории Пертоминского монастыря. Отличительным свойством личности молодого монарха можно признать высокий ресурс жизнестойкости. Сочетание этих факторов утвердило Петра I в дуализме результата спасения как взаимодействия Бога и Его помазанника (вертикальный копинг). Такая стратегия укрепила монарха в данности Божьего благословения на земные дела христианского самодержца. Примером совместного (горизонтального) копинга в этой ситуации стали взаимоотношения монарха с епископом Афанасием (Любимовым) и лоцманом Антипой. Пример данной витальной ситуации демонстрирует религиозность Петра I в конкретный период его жизни. Для изучения эволюции религиозности необходимо привлечение комплекса аналогичных факторов в иных чрезвычайных ситуациях (война, борьба за власть, потеря близких), а также условиях повседневности. В этом случае можно будет исследовать религиозность Петра I наиболее полно.

Ключевые слова: Петр I, религиозность, копинг, Пертоминский монастырь, православие

Феномен религиозности сегодня в приоритете научного интереса. Свидетельством этого являются работы психологов, социологов, религиоведов, исследующих типологию, структуру, содержание и признаки религиозности человека. Разработаны эффективные методики диагностики при оценке индивидуальной религиозности. При этом дискуссионным остается вопрос, что такое религиозность; нет единства в понимании основных характеристик, определяющих ее [13: 140]. Доминантным объектом научного изучения является религиозность современного человека, анализируемая посредством опросов, тестов, анкет. Для понимания религиозности как вида воздействия религии на сознание и поведение человека в исторической ретроспективе требуется междисциплинарная методология, но иной аналитический материал. При этом особая сложность, на наш взгляд, состоит в реализации принципа объективности, поскольку исследователя и исследуемого могут разделять религиозная дифференциация, секулярность сознания и мировоззренческая рациональность. Пример тому – противоречивость оценок религиозности российского императора Петра I [1], [3], [5], [8],

[9], [10], [17]. Подобная дискуссионность объяснима множеством факторов, важнейшим из которых является специфичность источникового массива. Документальный корпус, на основании которого можно делать выводы о религиозности Петра I (вне области государственной церковной политики), ограничен, тенденциозен, неинформативен. В огромном эпистолярном наследии Петра I ничтожное число размышлений о вере, но множество фразеологизмов со словом «Бог», что недостаточно для убедительного исследования религиозности монарха. Упоминания современников Петра I об этой стороне личности монарха (А. К. Нартов, Я. Я. Штелин, Ю. Юль), на наш взгляд, не достаточно репрезентативны. Религиозность как качество личности, формируемое посредством религиозной деятельности, феномен динамичный, зависимый от влияния множества факторов, но соотносимый с конкретным моментом в жизни человека. О религиозности человека можно судить по тому, насколько полно реализуется его взаимоотношение с Богом: в его познании Божественной Истины, в общении с Ним через молитву, в служении Богу [15].

Судить о религиозности Петра I по формальному признаку его статуса так же обосновательно, как утверждать, что первичная религиозность государя, сформированная традициями семьи и религиозным образованием, обеспечила ему глубокое религиозное мировоззрение на всю жизнь. В этой связи нами выдвинута гипотеза о возможности применения методики копинга как индивидуального способа взаимодействия человека со стрессовой ситуацией в соответствии с уровнем религиозности личности через эмоции и поведение [18], [19]. Для получения эмпирических данных использовался информационный ресурс первичных (письма и распоряжения Петра I) и вторичных (работы И. Добровольского, И. Легатова, А. Приклонского) источников. В качестве примера рассмотрена витальная ситуация бури на Белом море, настигшей яхту монарха «Святой Петр» в июне 1694 года. Цель исследования – рассмотрение религиозности Петра I через копинговый механизм как способ совладания через поведение личности в условиях витальной ситуации. Данная разновидность копинга определяется как религиозно обоснованные «ответы» на стрессоры, как способ совладающего поведения, выполняющий защитную функцию [20]. Эта модель копинга является своеобразной иллюстрацией «работы» религии в процессе совладания личности с чрезвычайной ситуацией. При этом виды религиозного копинга у верующих могут быть различны. Религиозность создает общий адаптивный настрой («С нами Бог»), но в зависимости от особенностей личности может иметь как мобилизующий, так и дезорганизирующий импульс на стрессоры. Успешность адаптации связана с наличием целевой психологической установки на реальную поставленную задачу [15: 144]. В случае «подчиненного» варианта решение проблемы предоставлено исключительно «воле Божьей». При «самостоятельном» варианте – как результат собственного волевого усилия. «Совместный» вариант – это пример «сотрудничества» религиозной личности и Бога, усилие двух «воль». Религиозный копинг позволяет выявить смысловые пространства религиозности: защиту, адаптацию, преобразование, сакрализацию, социализацию. В свою очередь религиозность можно рассматривать, на наш взгляд, как ресурс совладания личности со стрессором.

В процессе жизнедеятельности Петр I постоянно сталкивался с чрезвычайными обстоятельствами: военные конфликты, потери родных и близких ему людей. Многие из ситуаций носили витальный характер, сопровождаясь реальной угрозой жизни монарха. При этом копинг-ресурс его личности в детские и юношеские годы формировался под воздействием комплекса драматических обстоятельств борьбы за власть, поэтому персональный опыт Петра по освоению

религиозного мира не был гармоничным. Религиозность личности начинается с отождествления себя в религиозной системе [11: 95]. Идентификационный компонент религиозности – база, создающая предпосылки формирования веры. Первоначальная религиозная социализация Петра носила поверхностный характер, а ее углублению помешали события 1682 года (венчание на царство в обход старшего брата – стрелецкий бунт – помазание на царство Ивана и Петра). Юный царь получил благословение на царство. Божьему помазаннику была дарована пред Господом задача так управлять страной, чтобы помочь народу спасти свои души от гибели и стать ближе к Царствию небесному. Но гармоничное вхождение в религиозный мир возможно, если за шагом осознания принадлежности к религии личность делает шаг принять религиозные идеалы социума в свое мировоззрение и реализовать их в собственной жизни [11: 96]. Однако юный Петр стал свидетелем «мертвенности», «лжи» и «фарисейства», когда те, кто позиционировал себя «христианами», совершили смертные грехи и предали помазанника. Конфликт декларируемого с реальным особенно опасен, на наш взгляд, при формировании религиозного чувства детей и подростков. Такое разочарование влечет за собой скепсис, нигилизм, девиантность и недоверие к институту Церкви. Таким образом, формирование религиозности Петра I шло при осознании «Богопоставленности», но «оставленности» теми, в ком монарх надеялся видеть «ближних».

Своими дальнейшими поступками Петр искал, на наш взгляд, подтверждения «Богоприсутствия», того, что Господь не оставляет своего помазанника. Этот «диалог» стал основой копинг-ресурса Петра и доминантой в эволюции религиозности царя от первичной к осмысленно-личностной. Но эта перемена происходит тогда, когда человек накопил опыт страданий и неудач [6]. Такой «опыт» предопределил двойственность характера религиозности Петра I. В случае публичности его религиозность проявлялась «ситуативно», как часть статусного ритуала «помазанника Божия». На приватном уровне она носила характер сознательной латентности. Надо признать, что подобная «избирательность» религиозности Петра в повседневной жизни – явление достаточно современное [7]. Личность сама выбирает те знания и культурные нормы поведения из традиционной религиозности, которые кажутся ей ценными, полезными, и игнорирует то, что считает «пережитком» [2].

В случае чрезвычайных обстоятельств религиозность Петра I актуализировалась, что доказывает его поведение во время и после морской бури, 1–2 июня 1694 года. Знакомство государя с морской стихией состоялось за год до этого. Именно тогда, нарушив обещание, данное матери, молодой Петр впервые вышел в открытое

море. Для человека, чье мировоззрение формировалось под впечатлением библейских текстов, восприятие моря было не только рациональным, но глубоко сакральным. «Великая и пространная» водная стихия – это часть тварного Божьего мира, в котором «корабли преплавают» (Пс. 103: 23) как свидетели творческой силы человека. Библейские цари (Ной, Соломон, Иоасаф) были творцами великих кораблей. Петр, как помазанник Божий, уподобляется им, иницируя строительство яхты «Святой Петр». Готовясь к посещению Севера, он сравнивал себя с Ноем [11: 18–19]. При этом 1694 год начался для государя с чрезвычайной ситуации – потери матери. Петр любил мать, но в его религиозности земное сиротство нашло замещение Божественным «усыновлением». Молодой государь – неопытный мореход, но Отец небесный управляет кораблями, показывая, что может от всего спастись, «хотя бы кто отправился в море и без искусства» (Прем. 14: 3–4). Ощущая себя в числе «паствы» Матери Божьей, «почто печаловаться», ведь «мир сохраняет Господь Ее молитвами и предстательством»¹. Такой подход – свидетельство высокой адаптивности молодого Петра, который не «застревал» в переживании «беды», а совмещал искреннюю религиозность молодости с энтузиазмом к делам земным.

Отслужив молебен «на начало доброго дела», яхта государя вышла в Белое море. Это был небольшой (17, 28 м) одномачтовый военный корабль «представительского» класса с прямыми и косыми парусами. За образец постройки был взят голландский аналог. Голландские же мастера, П. Бас и Г. Янсен, руководили строительством судна на соломбальской верфи Архангельска [4]. Корпус яхты был выполнен из сосны с двухслойной обшивкой, крепеж – из кованого железа, руль – из дуба. За мачтой располагался фор-люк и кубрик команды. Каюта капитана и апартаменты царя находились в кормовом балконе. На случай военной опасности яхта имела 12 чугунных гладкоствольных пушек, а на случай шторма – бортовые шверцы, обеспечивающие яхте большую устойчивость. В поездке государя сопровождал архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) «с двумя домовыми людьми, ризницей и припасами»², а также члены команды.

Самоидентификация Петра, отправляющегося на Соловки, соотносима с «духовным деланием» паломника. По окончании путешествия он пишет брату Ивану о выполненном «залоге» поклонения святым мощам чудотворцев Зосимы и Савватия, а «по их молитвам и поспешению Божию» – благополучном возвращении в Архангельск³. Интересно, что о самом шторме Петр не упоминает вообще. На самом деле буря, внезапно случившаяся на море близ Унской губы, сделала ситуацию практически неуправляемой. Шквальный ветер, мешающий яхте маневрировать, сопровождался

проливным дождем и минимальной видимостью. Огромные буруны обрушивали на корабль тонны пенящейся холодной воды. Сильная качка, гул от волн и ветра делали картину апокалиптической. Чрезвычайность ситуации усугублялась нахождением на судне российского царя при невозможности предотвращения стихийного бедствия. И хотя шкала Б. Бофорта по определению силы шторма тогда еще не существовала, но с рациональной точки зрения комплекс внешних обстоятельств и технический потенциал яхты «Святой Петр» должны были привести к трагичной гибели людей.

Специфика религиозного мировоззрения позволяет сместить восприятие стрессора в сторону поиска Божественного смысла происходящего, формируя потенциал религиозного копинга.

По воле Божьей восстал бурный ветер, высоко поднимая волны, восходящие до небес и нисходящие до бездны... Он превращает бурю в тишину, и волны умолкают. И веселятся, что они утихли, и Он приводит их к желаемой пристани. Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих (Пс. 106: 23–31).

Реальность шторма, в который попала яхта государя, удивительным образом переключалась с ветхозаветным текстом (Иона 1: 4–9). Пророк Иона вошел в корабль «по слову» Господа – царь Петр следовал в сакральное пространство Соловецкого монастыря. Господь воздвиг такую бурю, что корабль с Ионой сильно «бедствовал» и «убояшася корабельницы». Не менее драматичной была буря, захватившая корабль Петра. Молодой государь не имел опыта выхода из подобных ситуаций, но в его действиях отсутствовала паника. По свидетельству очевидцев, во время бури Петр был спокоен – «ободрял всех» и «не чувствовал ярости моря». Владыка Афанасий совершил молебен, все молились о спасении, но угроза жизни людей была настолько высока, что Петр I исповедовался и причастился Святых Тайн из Дарохранительницы архиепископа. То, что такая ситуация может произойти, владыка предполагал, ведь за десять лет до этого корабль архиепископа попал в аналогичную беду, и в этом же месте. Напор волн был тогда настолько силен, что кормщику невозможно было удерживать руль, и его сбросило в море – все были в ужасе⁴. Помимо владыки, опыт выхода из подобных ситуаций был и у лоцмана Антипы Панова. Библейский текст повествует о диалоге Ионы и кормчего: «...моли Бога твоего, яко да спасет нас Бог, да не погибнем» (Иона 1: 10–14). Между царем и лоцманом Антипой также был диалог, свидетельствующий о готовности обоих взять на себя инициативу по спасению людей. Интересно, что в этой ситуации Петр продемонстрировал достаточный ресурс личной жизнестойкости: убежденность, оптимизм, недопущение паники, готовность к активному преодолению трудно-

стей. Таким образом, копинг-стратегии Петра в период шторма – это пример сочетания адаптивных механизмов. С одной стороны, пример религиозного копинга через молитву, исповедь, причастие, а с другой – вариант рационального копинга через самоконтроль и консолидацию общих усилий. В копинг-поведении Петра результат спасения рождался как акт соработничества Богу, как взаимодействие двух волей и двух усилий – Бога и Его помазанника («На Бога надейся, да и сам не плошай»). В данной ситуации Петр I продемонстрировал способность к социальной поддержке и совместному копингу. Это обстоятельство доказывает преобладание социальной религиозности у молодого Петра.

Если усилия владыки были направлены на духовное спасение царя, то инициатива опытного лоцмана – на рациональный вывод яхты из эпицентра шторма в бухту Унской губы. Каждому, кто ходил по Белому морю, это место было известно не только удобной гаванью, но и глубоким сакральным значением. Здесь останавливались богомольцы, следовавшие «по завету» к соловецким святыням. Объектом посещения паломников была часовня, возведенная в 1599 году над «гробами» праведных Вассиана и Ионы. Эти соловецкие иноки погибли в водах Белого моря, но место их погребения положило начало созданию православной пустыни. Среди поморов Вассиан и Иона почитались как «помощники» всякому, кто терпел бедствие на море⁵. Лоцман Антипа не мог не знать о духовном значении этого места. Посредством энергичной деятельности строителя монастыря, иеромонаха Михаила Харзеева, об «учениках святителя Филиппа» стало известно царю Федору Алексеевичу Романову, а впоследствии – царевне Софье.

Пройдя каменные корги Унской губы, 2 июня 1694 года яхта Петра I встала на якорь вблизи Пертоминского монастыря. Здесь государь пробыл до 6 июня: днем осматривал обитель, а к ночи возвращался на корабль. Петр был в этом месте впервые, но опосредованное участие монарха в развитии монастыря относилось ко времени его детства и юности. Поездки Михаила Харзеева в Москву способствовали притоку значительных пожертвований царского дома и «казенных средств». Грамоты от имени царей Иоанна и Петра позволили монастырю «дышать довольством и деловитостью»⁶, но втянули обитель в сложную сферу борьбы за власть между Милославскими и Нарышкиными. Щедрыми пожалованиями верховной власти монастырь получил рыбные и звериные ловли, тони, покосы, солеварницу, налоговые льготы, стройматериалы на постройку каменной церкви [12], [16]. Благодаря такой помощи строительство Успенского храма, архитектурной доминанты Пертоминского монастыря, завершилось за два года до приезда сюда Петра.

Поведение Петра в монастыре – свидетельство религиозности монарха, пережившего витальную ситуацию. Это выразилось в острой эмоциональной реакции государя на происходящее, деятельной активности и повышенной впечатлительности. По случаю спасения в Преображенском храме монастыря служился благодарственный молебен Всемиловитовому Спасу, а 5 июня – торжественное празднество. Накануне за всенощным бдением Петр пел на клиросе; утром во время литургии читал Апостол. Оказавшись свидетелем явного «чуда», Петр стал инициатором официального прославления пертоминских праведников, благодаря «заступничеству» которых пред Господом государь остался жив. Примечательно, что в истории православной России XVII века канонизация Вассиана и Ионы стала последней. Можно предположить, что в факте своего спасения молодой царь увидел доказательство святости людей, о прижизненных подвигах которых не осталось свидетельств, но чьим мощам по смерти присуща чудодейственная благодать Святого Духа. Отслужив благодарственный молебен в Преображенском храме, Петр «почил долгом извлечь мощи» пертоминских праведников из земли и «положить в храме для всенародного чествования»⁷. Архиепископ Афанасий при участии царя исследовал останки одного из обнаруженных праведников, и после «должного приготовления» дело это было совершено по церковному чиноположению»⁸. Хотя владыка признал мощи за святые, но между ним и Петром возникло «разномыслие». В чем причина такой неуступчивости, можно только предполагать. Процесс канонизации требовал соблюдения канонических норм: наличия прижизненных сведений о праведниках, «нетленности» останков, факты «чудотворений», которые совершались при их «гробах» или от их мощей. Церковная практика рубежа XVII–XVIII веков с большой осторожностью относилась к канонизации новых святых. Однако в случае с пертоминскими чудотворцами решающим фактором стала воля самого монарха, ставшего прямым свидетелем «чуда» и убедившегося в наличии мощей при недостатке достоверных биографических сведений о прославляемых. Основу «Сказаний» о пертоминских чудотворцах составили посмертные явления и чудеса, совершаемые по молитвам к ним. Это был типичный культ народных святых, складывавшийся на месте погребения монахов, о которых до этого ничего не знали. На волне деканонизационных процессов борьбы с «невежеством» и «суевериями» – единственный в тот период пример, когда причтение к лику святых состоялось по инициативе и при непосредственном участии Петра I [14]. Санкция монарха на канонизацию Вассиана и Ионы свидетельствует об искренней и осознанной религиозности молодого Петра.

Еще одним свидетельством религиозности государя стал четырехконечный крест. По преданию его изготовил, принес и поставил сам Петр. По типологии поклонных крестов можно предположить, что это был памятный крест, который воздвиг государь в благодарность Богу и его пертоминским угодникам за свое спасение: «Рече Господь: Аще кто хочет по мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Лк 9: 23). Интересна надпись на кресте, дошедшая до нас по вторичным источникам: «DAT KRUYSS MAKEN KARTEIN PITER VAN. A. СНТ. 1694» (Сей крест поставил капитан Петр, в лето Христово 1694). Если признать за Петром авторство текста, то личностный диалог с Богом вел не российский монарх, а голландский капитан, живший в пространстве европейского летоисчисления.

Существенным вкладом в развитие Пертоминской обители стали денежные и материальные пожертвования Петра I: 2000 гривен на строительство монастырской ограды и братских келий, 600 – на содержание братии, свечи и красное вино для церковных нужд, рыбные и звериные ловли, колокол работы Альберта Беннинга⁹. Специальный офицер, посланный царем, должен был курировать ход строительных работ. Реализовать задуманное удалось отчасти. В обители появился каменный братский корпус и 20 сажень ограды с двумя башнями. Архив монастыря, описанный А. П. Приклонским, не оставил следов визита государя, только запись о царском пожертвовании 50 рублей на строительство монастырской лады. Петр был верен себе и всюду думал о флоте¹⁰. Грань витальной ситуации для религиозности человека зачастую становится ступенью духовного восхождения. Анализ произошедшего события свидетельствует, что эмоционально-волевые качества Петра взаимодействовали с характером его религиозности. Однако назвать ее «рубежной» (я «до» и я «после») у нас нет основания. Как свидетельствуют письма Петра, о пережитой буре он помнил всю жизнь¹¹. Свою религиозность Петр проявил акционально. Это была благодарность за спасение Богу (молебны, службы, крест), его угодникам (прославление Вассиана и Ионы), людям (вознаграждение лоцмана Антипы и братии монастыря). Спасение помазанника Божьего в водах Белого моря Петр воспринял как божественное благословение на «сорботничество» Творцу в делах земных. Осознанием того, что перед Богом можно оправдаться честным исполнением своего дела, Петр рационализировал личностную религиозность, сделал ее логичной и практичной [5: 82]. Субъектно-бытийный взгляд на личность монарха позволяет признать, что Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь стал местом спасения Петра, свидетелем его религиозности и мужества, но не его Преображения. Призыв Христа «ищите прежде

Царства Божия и Правды Его» (Матф. 6: 31–33) был услышан Петром, но воплотился в созидании царства земного.

Если царские «милости» последней трети XVII века способствовали расцвету монастыря, то с началом XVIII века «монастырь сжимался к своему ядру»¹². Это было вызвано комплексом факторов – падением цен на соль, подорожанием заготовки дров, усилением финансового бремени, вызванного преобразованиями Петра. Свою негативную роль сыграла и деятельность Монастырского приказа. Без соляных и жалованных денег приходилось «измышлять» новые статьи доходов. Помня милостивое отношение Петра I к обители, братия подала государю несколько челобитных. Последняя попытка взывания к царской милости относилась к 1719 году, но и она обернулась «разбитыми надеждами»¹³. В 1723 году был инициирован процесс меморизации яхты: «Ежели той яхты, хотя остатки найдутся, то оные извольте в удобном месте поставить и приказать беречь»¹⁴. Но при осмотре судно нашли непригодным. Без должного ухода оно развалилось к 1730 году.

На сегодняшний день своеобразными памятниками былой религиозности Петра остались агиографический комплекс и служба преподобным Вассиану и Ионе¹⁵, их мощи, прославленные по инициативе молодого царя, и памятный крест¹⁶. Аллегорическим возвращением Петра I в Поморье стало появление реплики государевой яхты «Святой Петр».

Таким образом, применение методики копинга позволяет исследовать религиозность личности Петра I применимо к конкретной витальной ситуации. Идея «Богоставленности» стала основой копинг-ресурса молодого монарха. Мироззренческий феномен «верую» лежал в основе его копинг-стратегий и реализовался в действиях копинг-поведения. Убеждение в существовании коммуникации «помазанник – Бог» обеспечило стрессоустойчивость в витальной ситуации. Религиозность личности наряду с рациональностью были копинговыми механизмами личности Петра по выходу из витальной ситуации. Типология религиозного совладания государя – это сочетание внутренних религиозных убеждений с социальным взаимодействием (горизонтальное совладание) и сакральным «диалогом» (помазанник – Творец). Инициатива Петра в прославлении пертоминских праведников свидетельствует, что свое спасение государь относил не только Божьей воле, но и заступничеству Его угодников – Вассиана и Ионы Пертоминских. Таким образом, копинговый механизм дает возможность анализа религиозности личности в условиях конкретной витальной ситуации. Однако для понимания феномена религиозности в динамике необходимо исследование копинг-механизмов совладающего поведения в комплексе подобных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Петр I (имп.). Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. СПб.: Государственная типогр., 1887. С. 15–16.
- ² Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ холмогорский: церковно-исторический очерк. [Репр. изд.]. М., 2013. С. 530.
- ³ Петр I (имп.). Письма и бумаги императора Петра Великого... С. 15–16.
- ⁴ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ холмогорский... С. 304.
- ⁵ Легатов И., прот. Сказание о чудесах преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 20. Ч. неофиц. С. 680.
- ⁶ Приклонский А. П. Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. XVII–XVIII вв. Соловки: Бюро печати УСЛОН, 1927. С. 21–23.
- ⁷ Добровольский И. Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. № 18. Ч. неофиц. С. 503.
- ⁸ Легатов И., прот. Сказание о чудесах преподобных Вассиана и Ионы... С. 681.
- ⁹ Добровольский И. Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря... С. 501.
- ¹⁰ Приклонский А. П. Пертоминский архив... С. 33.
- ¹¹ Морские сражения русского флота: Воспоминания. Дневники. Письма. [Сост. В. Г. Оппоков]. М.: Воениздат, 1994. С. 64.
- ¹² Приклонский А. П. Пертоминский архив... С. 40.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 170. Д. 105. Л. 30.
- ¹⁵ Служба преподобным отцем Вассиану и Ионе, Пертоминским чудотворцам // Минея. М.: Синодальная типография, 1986. Июнь. Т. I. С. 147–158.
- ¹⁶ Гостев И. Обетный крест Петра Великого // Мир музея. 2016. № 7. С. 30–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002. 352 с.
4. Брызгалов В. В., Попов Г. П. «Государева» яхта // Соломбальская верфь, 1693–1862. Архангельск: Арханг. фил. РГО РАН, 1993. 103 с.
5. Гурьянова И. В. Взаимоотношения Петра I и религии // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 82–83.
6. Двойнин А. М. Психология верующего: ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб.: Речь, 2011. 224 с.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. В. Г. Малахеевой-Мирович и М. В. Шик. М.: Наука, 1993. 431 с.
8. Иоанн (Экономцев), архим. Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (к анализу церковной реформы Петра I) // Петр Великий: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003. С. 587–614.
9. Каменский А. Б. Петр I Алексеевич // Петр I. Избранное. М.: РОСПЭН, 2010. С. 5–42.
10. Кирилл (Сахаров), игумен. «Именно с Петра начинается великий и подлинный русский раскол...» // Русская вера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruvera.ru/articles/petra_nachinaetsya_russkii_raskol (дата обращения 12.01.2019).
11. Малявина С. С. Религиозность личности: поиск структуры содержания // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2017. № 45. С. 92–105.
12. Попова Л. Д. К истории Пертоминского монастыря // История Отечества. Святые и святыни Русского Севера: Сб. науч. ст. / Отв. ред. архим. Трифон (Плотников). Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 118–124.
13. Прокушенкова О. И. Религиозность личности как объект научного исследования // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: Сб. материалов: В 6 т. Т. 3. Владимир: Аркаим, 2016. С. 140–158.
14. Симонов А. Н. История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.
15. Соколовская И. Э. Роль религиозности при адаптации в условиях психоэмоционального стресса // Научное мнение. 2014. № 6. С. 142–149.
16. Харитонов Я. Э. Документы Госархива Архангельской области по истории Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря // Отечественные архивы. 2018. № 4. С. 44–51.
17. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и Новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 816 с.
18. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: Free Press, 1995. 535 p.
19. Folkman S., Lazarus, R. S. An analysis of coping in a middle-aged community sample // Journal of Health and Social Behavior. 1980. No 21. P. 219–239.
20. Pargament K. I., Koenig H. G., Perez L. M. The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE // Journal of Clinical Psychology. 2000. Vol. 56. No 4. P. 519–543.

Ruzhinskaya I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RELIGIOUSITY OF PETER THE GREAT IN THE CONTEXT OF A VITAL SITUATION

The article discusses such phenomenon of Peter the Great's personality as religiosity. Relevance and novelty of the research lies in the operationalization of the approach – the application of coping methods. The peculiarities of Peter the Great's religiosity are analyzed by the example of the vital situation of the White Sea storm in 1694. Factors of religious coping as a way of one's adaptability to the vital conditions are revealed through the effects of stress. The documentary corpus of the work is presented

by published sources. Coping resources, coping strategies, and coping behavior as the coping mechanisms demonstrated by Peter I during stress and post-stress periods are identified during the course of the study. The author concludes that the vital situation demonstrates not a formal, but a rather deep level of the young monarch's religiosity. The behavioral component dominated the monarch's religiosity structure. This was expressed through the actions of Peter I during the storm and during the rescue on the territory of the Pertominsk Monastery. High vitality should be recognized as a distinctive feature of the young monarch's personality. Peter I believed in the dualism of the result of salvation as the interaction of God and the anointed one (vertical coping), due to the combination of these factors. This strategy strengthened the monarch's belief that the God's blessing is given to the earthly affairs of a Christian autocrat. The relationship between the monarch, the Bishop Athanasius (Lyubimov) and the pilot Antipas is an example of joint (horizontal) coping in this situation. An example of this vital situation demonstrates the religiosity of Peter I in a particular period of his life. To study the evolution of religiosity it is necessary to involve a set of similar factors in other emergency situations (such as war, struggle for power, or the loss of the loved ones), as well as in everyday life. In this case it will be possible to investigate Peter the Great's religiosity most fully.

Key words: Peter I, religiosity, coping, Pertominsk Monastery, Orthodoxy

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Peter the Great: personality and reforms. St. Petersburg, 2009. 448 p. (In Russ.)
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. (E.D. Rutkevich, Trans.). Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.)
3. Bohanov A. N. Autocracy. The idea of royal power. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.)
4. Bryzgalov V. V., Popov G. P. The "gosudareva" yacht. *Solombal'skaya verf'*. 1693–1862. Arkhangelsk, 1993. 103 p. (In Russ.)
5. Gur'yanova I. V. The relationship between Peter I and religion. *Integratsiya obrazovaniya*. 2001. No 1. P. 82–83. (In Russ.)
6. Dvojnina A. M. The psychology of the believer: value-semantic orientations and the religious faith of the individual. St. Petersburg, 2011. 224 p. (In Russ.)
7. Dzhejms U. Variety of religious experience. Moscow, 1993. 431 p. (In Russ.)
8. Ioann (Ekonomcev), Archimandrite. The national-religious ideal and the idea of an empire during Peter the Great's era (the analysis of Peter the Great's church reform). *Peter the Great: pro et contra*. St. Petersburg, 2003. P. 587–614. (In Russ.)
9. Kamenskij A. B. Peter I Alekseevich. *Peter I. Selected works*. Moscow, 2010. P. 5–42. (In Russ.)
10. Kirill (Saharov), Hegumen. "It was Peter the Great who started the genuine Russian schism...". *Russkaya vera*. Available at: http://ruvera.ru/articles/petra_nachinaetsya_russkiiy_raskol (accessed 12.01.2019) (In Russ.)
11. Malyavina S. S. Religious personality: search for the structure of content. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 2017. No 45. P. 92–105. (In Russ.)
12. Popova L. D. History of the Pertominsk Monastery. *History of the fatherland. Saints and shrines of the Russian North*. Arkhangelsk, 2006. P. 118–124. (In Russ.)
13. Prokushenkova O. I. Religiosity of a person as an object of scientific research. *Academic research and conceptualization of religion in the XXI century: traditions and new challenges. Collected articles*. Vol. 3. Vladimir, 2016. P. 140–158. (In Russ.)
14. Simonov A. N. The history of the canonization of Russian saints in the late XVII – first quarter of the XVIII century: Diss. Cand. Sci. Abstr. (History). St. Petersburg, 2011. 24 p. (In Russ.)
15. Sokolovskaya I. E. The role of religiosity in adapting to psycho-emotional stress. *Nauchnoe mnenie*. 2014. No 6. P. 142–149. (In Russ.)
16. Haritonova Ya. E. Documents of the State Archive of the Arkhangelsk Region on the history of the Spaso-Preobrazhensky Pertominsky Monastery. *Otechestvennye arkhivy*. 2018. No 4. P. 44–51. (In Russ.)
17. Cypin V., Protoiereus. The history of the Russian Orthodox Church: Synodal and recent periods. Moscow, 2012. 816 p. (In Russ.)
18. Durkheim É. The elementary forms of religious life. New York, 1995. 535 p.
19. Folkman S., Lazarus, R. S. An analysis of coping in a middle-aged community sample. *Journal of Health and Social Behavior*. 1980. No 21. P. 219–239.
20. Pargament K. I., Koenig H. G., Perez L. M. The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE. *Journal of Clinical Psychology*. 2000. Vol. 56. No 4. P. 519–543.

Поступила в редакцию 30.01.2019